

ВОЗРОЖДЕНИЕ
КЛАНА ФУЯО

ТОМ 1

ПОЛЕТ
ПТИЦЫ ПЭН

МОСКВА

ВОЗРОЖДЕНИЕ
КЛАНА ФУЯО

ТОМ 1

ПОЛЕТ
ПТИЦЫ ПЭН

МОСКВА

УДК 821.581-312.9
ББК 84(5Кит)-44
П75

Priest

Liu Yao (六爻) Vol 1

Published originally under the title of 《六爻》 (Liu Yao)

Author © Priest

Russian Edition rights under license granted by 北京晋江原创网络科技有限公司
(Beijing Jinjiang Original Network Technology Co., Ltd)

Russian Edition copyright © 2025 Limited company «Publishing house «Eksmo»
Arranged through JS Agency Co., Ltd.
All rights reserved.

Перевод с китайского языка команды SHENYUAN
(Н. Светличная и А. Ремнева)

Иллюстрация на суперобложке и внутренние
иллюстрации Heirasu

Иллюстрация на обложке и форзацах Хаиш

Леттеринг В. Лебедевой

Сверка с китайским А. Игнатенко

Литературный редактор М. Демидова

Priest.

П75 Лю Яо. Возрождение клана Фуяо. Том 1 / Priest ; [перевод с китайского Н. Светличной, А. Ремневой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. : цв. ил.

ISBN 978-5-04-168698-7 (оф. 1)

ISBN 978-5-04-223062-2 (оф. 2)

Чэн Цяню было всего десять, когда семья продала его странствующему заклинателю. Так мальчик стал частью клана Фуяо, когда-то великого, а ныне почти исчезнувшего.

Шли годы. В клане стало пятеро учеников: нарцисс из благородной семьи, хитрец, дурашливый нищий, маленькая демонница... и смутьян Чэн Цянь. Именно им предстоит вернуть клану былое величие. Гора Фуяо стала их домом, чудаковатый учитель — приёмным отцом.

Но тучи сгущаются на горизонте, а тёмные заклинатели возвращаются из небытия. И ученики клана Фуяо столкнутся со смертельными угрозами задолго до того, как окончат своё обучение...

УДК 821.581-312.9
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-168698-7 (оф. 1)

ISBN 978-5-04-223062-2 (оф. 2)

© Светличная Н.А., Ремнева А.Т.,
перевод на русский язык, 2025

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

«Лю Яо» — метод гадания по древней книге «Ицзин», она же «Книга перемен», где «лю» — шесть, «яо» — сплошные и прерывистые черты в гексаграмме. Один из вариантов такого гадания — подбрасывание медных монеток шесть раз с целью получить складываемую последовательность. Все шестьдесят четыре возможных гексаграммы записаны и трактованы в «Ицзине».

Птица Пэн — гигантская птица в древнекитайской мифологии. Впервые упоминается в книге «Чжун-ан-цзы» (IV век до н. э.): «...В длину птица Пэн достигает неведомо сколько тысяч ли. Поднатужившись, взмывает она ввысь, и ее огромные крылья застилают небосклон, словно грозовая туча. Раскачавшись на бурных волнах, птица летит в Южный океан...»

Устойчивое выражение «полет птицы Пэн длится десять тысяч ли» используется как пожелание удачи и успеха, большого будущего, блистательных перспектив.

Глава 1

Запах Матери

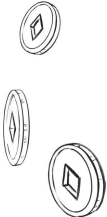
Чэн Цяню было десять лет, но он рос слишком медленно, чтобы соответствовать своему возрасту¹.

Около полудня он нес дрова со двора в центральный зал. Чэн Цяню пришлось бегать туда-сюда дважды, поскольку унести целую связку за раз оказалось слишком трудно. Затем он вытер пот и с головой ушел в готовку.

В эти дни отец принимал гостей, поэтому домашние дела: мытье посуды, приготовление пищи, разжигание огня и колка дров — легли на плечи Чэн Цяня. Везде и всюду ему приходилось крутиться волчком, выбиваясь из сил. Из-за невысокого роста Чэн Цянь испытывал некоторые неудобства при обращении с большим котлом. Мальчик нашел маленький табурет в углу и встал на него. Чэн Цянь еще в шесть лет наловчился готовить так, несмотря на то что ножки табурета различались по длине. Много раз мальчик был близок

---

¹ В оригинале 虚岁 (xūsù) — номинальный возраст (по старому счёту: при рождении ребенку считался год. Следующий год прибавлялся в первый день нового года по лунному календарю).

к тому, чтобы упасть и стать бульоном, но в конце концов научился держать равновесие.

Чэн Цянь подливал воду в котел, когда его старший брат вернулся домой.

Старшему сыну семьи Чэн было уже пятнадцать лет. Крепкий, пропахший потом, он тихо вошел в комнату, осмотрелся, после чего спустил младшего брата со стула и грубовато подтолкнул его в спину.

— Оставь это мне. Иди поиграй, — сказал он приглушенным голосом.

Чэн Цянь, конечно, и не подумал беспечно бросить дела. Отойдя от старшего брата, он безмолвно присел на корточки и принялся старательно раздувать огонь.

Чэн Далан¹ молча посмотрел на него.

В их семье было трое сыновей. Чэн Цянь был вторым, поэтому его называли Чэн Эрлан, пока накануне вечером их не посетил гость.

Далан знал — теперь им некого будет звать Эрланом: один из его младших братьев оставит свое молочное имя² и уже под взрослым именем уедет в далекие земли.

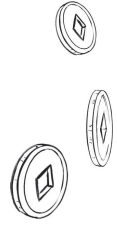
Гость, посетивший их накануне, был незнакомым даосом. Он беззастенчиво представился Мучунь чжэньжэнем³,

---

¹ В китайской семье старшего сына часто называют Далан (大郎 (dàláng)), второго сына — Эрлан (二郎 (èrláng)), третьего — Саньлан (三郎 (sānláng)).

² В оригинале 小名 (xiǎo míng) — детское/молочное имя — это ласковое неофициальное имя, которым ребенка зовут родные в раннем возрасте.

³ Чжэнь жэнь 真人 (zhēnrén) — буквально: «истинный или подлинный человек» — китайский термин, впервые появившийся в «Чжуан-цзы», означающий «даосский духовный учитель» и примерно переводимый как «совершенный человек». «Чжуан-цзы» — даосская книга притч, написанная в конце периода Сражающихся царств и названная по имени автора. Наряду с «Дао дэ Цзин» является основополагающим текстом даосизма.

но, судя по внешнему виду, вряд ли обладал какими-то выдающимися способностями. С редкой бородкой, полузакрытыми прищуренными глазами и тонкими ногами, которые виднелись из-под складок одежды, развевающихся на ветру, он больше напоминал гадалея, зарабатывающего обманом и блефом, чем бессмертного.

Чжэньжэнь просто проходил мимо во время своего путешествия. Он подошел, чтобы попросить воды, и не ожидал увидеть Чэн Эрлана.

Мальчик только что вернулся домой. Он был на краю деревни у старого туншэна¹, много раз проваливавшего императорские экзамены, что не мешало ему набирать студентов и учить их читать. Несмотря на свои крайне скудные знания, туншэн требовал непомерно высокое вознаграждение. Стоило одарить его обычным для учителя подношением², старый туншэн злился: на самодельное вяленое мясо, фрукты и овощи от крестьян он не соглашался и, задрав нос, требовал настоящие деньги — медные монеты. Еще и сумма каждому выпадала своя — только раскошелившиеся ученики могли рассчитывать на его благосклонность.

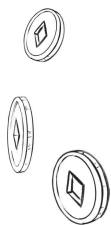
Человек столь неподобающего поведения был недостойн передавать учения и зачитывать писания мудрецов. Но, к сожалению, детям из сельской местности, желавшим получить образование, выбирать не приходилось. Особенно учитывая, что второго преподавателя было не сыскать и в радиусе ста ли³.

---

¹Туншэн 老童生 (lǎotóngshēng) — старик, который неоднократно проваливал экзамены на государственную службу.

²Испокон веков мудрецы принимали подношение в качестве оплаты за обучение. В него входило вяленое мясо, но не деньги. Считается, что эту традицию заложил Конфуций, который вместо денег брал еду в качестве оплаты за обучение.

³Ли 里 (lǐ) — единица длины, эквивалентная 500 метрам.

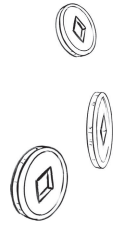
В свете семейных обстоятельств, чета Чэн определенно не могла позволить себе обучение сыновей. Но все эти непроницаемые архаизмы, казалось, особенно привлекали Чэн Цяня. Поскольку он не мог посещать занятия, то вынужден был периодически подслушивать под дверью.

Старый туншэн всерьез верил, что каждая капля его слюны является результатом кропотливого труда. Он не желал, чтобы люди слушали его бесплатно, и часто, остановившись посреди лекции, бдительно обходил окрестности. Чэн Эрлан, подобно обезьяне, прятался в кроне высокого дерева. От разговоров о теории «самосовершенствования, семейной гармонии и мира во всем мире» его лоб всякий раз покрывался испариной.

Прошлой ночью Чэн Эрлан, без энтузиазма откликнувшись на просьбу отца, подал гостю чашу с водой, но, как ни странно, тот не согласился ее принять. Вместо этого он протянул тощую, как безлистная ветка, руку. Он не прощупывал кости Эрлана и не использовал никаких необычных приемов, просто поднял лицо мальчика, который изо всех сил старался изобразить «начитанность», и посмотрел ему прямо в глаза. Чжэньжэнь, казалось, уловил что-то в этом взгляде. Он странно кивнул и с важным видом проговорил:

— Если вы спросите меня об этом ребенке, то я скажу, что он благословлен великими дарами. В будущем он может приобрести способность парить в небе и нырять глубоко в море, и, возможно, впереди его ждет большая удача. Он особенный и далеко пойдет!

Далан тоже присутствовал при этой сцене. Будучи учеником лавочника, он видел множество путешественников и потому считал себя человеком знающим и опытным. Но он никогда не слышал о возможности распознать одаренность другого с одного взгляда.

Далан хотел презрительно возразить шарлатану, но прежде чем успел открыть рот, с удивлением обнаружил, что его отец в самом деле поверил во всю эту чушь. Вдруг его потрясла мысль, неожиданно пришедшая ему в голову.

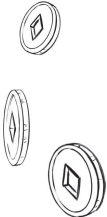
Семья Чэн никогда не отличалась особым богатством, а теперь и вовсе едва сводила концы с концами. Кроме того, в прошлом году мать Эрлана родила третьего ребенка. Роды были тяжелыми, и она так ослабла, что почти перестала вставать с постели. В конце концов вместо здоровой кормилицы в доме появилась немощная мать, живущая на лекарствах.

Добавок ко всему прочему, из-за нескольких месяцев засухи им грозил серьезный неурожай. Три сына... Их семья вряд ли могла позволить себе прокормить их всех.

Далан точно знал, о чем думали его родители. Он довольно долго был подмастерьем, так что через год или около того мог начать самостоятельно зарабатывать деньги и стать опорой для семьи. Его младший брат был еще младенцем в пеленках, и родители, естественно, с трудом представляли расставание с ним. А вот Эрлан казался совершенно лишним, и оставлять его в семье было бесполезно. Возможно, для него было бы лучше совершенствоваться вместе с этим даосом.

Добьется успеха — и, даровав могилы предков высокой травой, прославит свой род. А если нет, то все же сможет прокормиться и вырасти, независимо от того, будет ли скитаться или зарабатывать на жизнь обманом. Оба варианта могли стать для него хорошим выходом.

Мучунь чжэньжэнь и близорукий глава семьи вскоре заключили сделку. Чжэньжэнь оставил серебряный слиток, в обмен на который Чэн Эрлан должен был пойти с ним. С этого момента ему предстояло отказаться от имени Чэн

Эрлан и сменить его на Чэн Цянь. Сегодня днем он разорвет узы с бранным миром и отправится за своим наставником.

Далан был на несколько лет старше своего второго брата. Они мало разговаривали и вовсе не были близки. В то же время, младший брат с самого раннего возраста проявлял благоразумие. Он не рыдал без причины и не доставлял хлопот. Носил то, что носил его старший брат, ел скромнее слегшей матери и младшего брата. Эрлан сам вызывался помогать в домашних делах и никогда не жаловался.

Далан любил его и заботился о нем от всего сердца, хотя и не говорил этого. Однако он никак не мог спасти положение. Родители были слишком бедны, чтобы вырастить Чэн Цяня, а Далан все еще не стал опорой для семьи, его слова не имели веса.

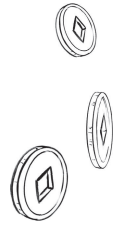
Но, как бы там ни было, Чэн Эрлан — их плоть и кровь. Разве можно так легко продать его?

Чем больше Далан думал об этом, тем хуже себя чувствовал. Его посетила мысль, что следовало бы ударить этого старого шарлатана по голове большим железным ковшом, только ему не хватило храбрости. В конце концов, он не оставался бы простым подмастерьем, если бы был таким смелым. Но Далан не мог не грустить от осознания, что даже путь грабителя и мародера принесет его брату больше денег и почтения.

Чэн Цянь не мог не догадаться о планах родителей и тоске старшего брата. Звезд с неба он не хватал, его нельзя было сравнить с теми умными не по годам детьми, что писали стихи в семь лет и занимали пост чэнсяна в тринадцать¹. Но он был обычным сообразительным ребенком.

---

¹ Чэн сян 丞相 (chéngxiàng) — высшее должностное лицо (аналог премьер-министра). Фраза намекает на историю Гань Ло, легендарного исторического деятеля периода Чжаньго (V—III вв. до н. э.), который действительно занял этот пост в столь юном возрасте.

Отец работал с рассвета до заката. Брат уходил, когда звезды еще мерцали в небе, и возвращался домой с восходом луны. Мать задерживала взгляд на старшем и младшем сыновьях. Но не на нем. Его не воспринимали всерьез, даже если не били и не ругали. Чэн Цянь хорошо понимал это и вел себя достаточно тактично, чтобы не нарваться на неприятности. Самое возмутительное, что он делал за всю свою жизнь, — это залезал на большое дерево старого туншэна и слушал, как тот несет чушь про священные тексты. Чэн Цянь работал добросовестно и усердно. Он считал себя слугой, но никогда — сыном.

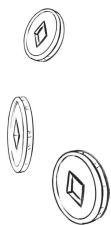
Чэн Цянь не знал, каково это.

Дети обычно разговорчивы и беспокойны, но, поскольку Чэн Цянь не считал себя сыном, он, естественно, не пользовался привилегией быть болтливым и непослушным. Чэн Цянь привык сдерживать свои самые сокровенные чувства. Рано или поздно слова, которые он не мог произнести, должны были провалиться внутрь, проделав множество крошечных дырочек в его маленьком сердце.

Чэн Цянь, с истерзанной, что песчаная гладь после ливня, душой, знал: родители его продали. Но, как ни странно, он чувствовал себя удивительно спокойно, будто бы ждал этого дня.

Когда пришло время прощаться, больная мать Эрлана наконец поднялась с постели, что делала крайне редко. Дрожащим голосом она отозвала сына в сторону и, посмотрев на него покрасневшими глазами, вручила ему сверток. В свертке была сменная одежда и дюжина лепешек. Излишне говорить, что одежда была перешитыми вещами его старшего брата, а лепешки накануне вечером приготовил отец.

Но, в конце концов, Чэн Цянь был ее плотью и кровью.

Глядя на своего десятилетнего сына, мать не удержалась, пошарила в рукаве и, пошатываясь, вытащила оттуда небольшую связку медных монет. Потертые, потускневшие от времени, эти монеты заставили сердце Чэн Эрлана дрогнуть. Он напоминал маленького замерзшего зверька, который осторожно приняхивался к снегу и вдруг учуял запах матери.

Однако отец быстро заметил связку. Он глухо кашлянул, и мать со слезами на глазах вынуждена была спрятать монеты обратно.

Запах матери, словно отражение луны в воде¹, растаял прежде, чем Эрлан снова успел его почувствовать.

— Иди сюда, Эрлан. — Мать взяла Чэн Цяня за руку и повела его во внутреннюю комнату, начав задыхаться уже через несколько шагов.

Окончательно устав, женщина тяжело опустилась на скамью. Указав на лампу, свисающую с потолка, она слабым голосом спросила:

— Эрлан, ты знаешь, что это?

— Волшебная Неугасаемая лампа, — равнодушно посмотрев на потолок, ответил Чэн Эрлан.

Эта невзрачная лампа была семейной реликвией. Говорили, что это часть приданого бабушки Чэн Цяня. Она была размером с ладонь, без фитиля и масла, но зато с несколькими рядами магических символов, вырезанных на старом держателе из черного дерева. Благодаря им лампа могла постоянно освещать один чи² вокруг себя.

Чэн Эрлан так и не понял, какой в ней смысл, кроме привлечения насекомых. Но разве магические артефакты дол-

¹ Отсылка к древней китайской поговорке «цветы в зеркале, луна в воде». Так говорят о чем-то иллюзорном или о недостижимом идеале.

² Чи 尺 (chǐ) — традиционная китайская мера длины, около 30 см.